

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

Остров Крым

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А42

Оформление серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников
Х. Гриса и Ф. Валлоттона

Фотопортрет Василия Аксенова на корешке:
Владимир Вяткин/РИА Новости

Аксенов В. П.
А42 Остров Крым / Василий Аксенов. – Москва : Эксмо, 2017. –
608 с. – (Библиотека всемирной литературы).
ISBN 978-5-699-60279-7

«Остров Крым» — одна из главных книг Василия Аксенова, сделавшая автора знаменитым во всем мире, — нашумевшая антиутопия, социальная и политическая сатира, попытка изобразить Россию без коммунистического влияния. Это книга о России, которую мы потеряли, воплотившая авторское представление о том, как развивалась бы история, если бы Крым остался независимым изолированным «русским» государством.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-60279-7

© Аксенов В.П., наследники, 2016
© Попов Е.А., предисловие, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2016

Содержание

Е. Попов

ГЛАВНАЯ КНИГА ПИСАТЕЛЯ АКСЕНОВА

7

ОСТРОВ КРЫМ

I. Приступ молодости

23

II. ПРОГРАММА «ВРЕМЯ»

94

III. ХУЕМОТИНА

102

IV. Любопытный эпизод

120

V. ПРОКЛЯТЫЕ ИНОСТРАНЦЫ

140

VI. ДЕКАДЕНТЩИНА

208

VII. О.К.

306

VIII. В СТЕКЛЯННОМ ВИГВАМЕ

377

IX. НЕДОПАРЕННОСТЬ

398

X. ЗЕМЛЯКИ

407

XI. ВИТАЯ В СФЕРАХ
420

XII. СТАРАЯ РИМСКАЯ ДОРОГА
441

XIII. ТРЕТИЙ КАЗЕННЫЙ УЧАСТОК
494

XIV. ВЕСНА
539

ГЛАВНАЯ КНИГА ПИСАТЕЛЯ АКСЕНОВА

Мне очень нравится, и я считаю это совершенно справедливым, что интерес к творчеству и личности Василия Аксенова не ослабевает в течение пятидесяти с лишним лет со времени появления двух его первых рассказов, замеченных зорким редактором «Юности» Валентином Катаевым. Такое редко, но бывает: мэтра восхитила всего лишь одна фраза начинающего литератора, где он сравнивал традиционный цвет мутного питерского водного канала с фактурой пыльной крышки рояля.

Феноменальное, надо сказать, литературное чутье было у этого советского классика и Героя Социалистического Труда, выведшего в люди целую плеяду «шестидесятников». Кто, кроме этого циника, романтика, мастера, профессионала, смог бы предугадать звездный путь прозаика, ставшего рядом с Александром Солженицыным полноценной частью вечной русской альтернативы ВОСТОК — ЗАПАД, олицетворяемой прежним российским символом — двуглавым орлом? Той самой державной птицей, превратившейся после долгих десятилетий губительной коммунистической радиации в нынешнего ошипанного мутанта. Думаю, что Валентину Петровичу было бы приятно узнать, что в день

80-летия Василия Павловича, 20 августа 2012 года, в Казани под патронажем просвещенных городских властей состоялся всенародный праздник под открытым небом. Праздник любви горожан к своему всемирно известному земляку, автору двух с лишним десятков книг, переведенных примерно на такое же количество языков. «Жаль, что Вас не было с нами, Валентин Петрович, — сказали бы мы. — Жаль, что нет уже на земле ни Васи, ни Вас. Жаль, что прежних властителей дум становится с каждым днем все меньше и меньше, а новых что-то не шибко прибавляется».

Сказали бы мы? Сказали...

Загадочно мерцало августовское чистое небо, дул джаз, выступали московские и местные знаменитости, трепетно волновались красивые, модно одетые девушки, лихо приплясывали потомки аксеновских стилиг, скромно кучковалась полиция, отсутствовали пьяные. Словом, все было как на Острове Крым, пока еще не присоединенном к СССР большевиками по манию российской левой интеллигенции. Все в Казани было как на той описанной Аксеновым свободной русской территории, куда еще не вошли пока, как в финале этого романа, злобные советские войска, управляемые канувшим в небытие Политбюро ЦК КПСС.

Конференции, «круглые столы», вечера, посвященные Аксенову, в других городах, весях России и ближнего-дальнего Зарубежья — все это ведь тоже знак. Знак того, что появление такого писателя на земле было вовсе не случайностью, а «осознанной необходимостью», если процитировать старика Маркса, фразы которого весьма часто вызывали у Василия Павловича приступы немотивированного веселья. Равно как и любимая им ленинская чушь

«Газета — это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, она также и коллективный организатор!» Именно эта вывеска в наши времена ярко светилась вместо рекламы на площади Белорусского вокзала, отчего и нашла свое отражение в книге «Остров Крым», которая, конечно же, фантазия, но ведь и упомянутые *наши времена* тоже теперь кажутся фантазией многим мальчикам и девочкам из молодого поколения. Разве может это поколение представить себе, что в Москве непосредственно перед его рождением не было и быть не могло:

«двойных бритвенных лезвий, цветной пленки для мини-фото, кубиков со вспышками, джазовых пластинок, пены для бритья, длинных носков, джинсов — о Боже! — вечное советское заклатье — джинсы! — маек с надписями, беговых туфель, женских сапог, горных лыж, слуховых аппаратов, «водолазок», лифчиков с трусиками, шерстяных колготок, костяных шпилек, свитеров из ангоры и «кашмира», таблеток алка-зельцер, переходников для магнитофонов, бумажных салфеток, талька для припудривания укромных местечек, липкой ленты «скоч» да и виски «скоч», тоника, джина, вермута, чернил для ручек «Паркер» и «Монблан», кожаных курток, кассет для диктофонов, шерстяного белья, дубленок, зимних ботинок, зонтиков с кнопками, перчаток, сухих специй, кухонных календарей, тампакса для менструаций, фломастеров, цветных ниток, губной помады, аппаратов hi-fi, лака для ногтей и смывки, смывки для лака — ведь сколько же подчеркивалось насчет смывки! — обруча для волос, противозачаточных пилюль и детского питания, презервативов и сосок для грудных,

тройной вакцины для собаки, противоблошиного ошейника, газовых пистолетов, игры «Монополь», выключателей с реостатами, кофемолок, кофеварок, задымленных очков, настенных открывалок для консервов, цветных пленок на стол, фотоаппаратов «Поляроид», огнетушителей для машины, кассетника для машины, насадки STR для моторного масла, газовых баллонов для зажигалок и самих зажигалок с пьезокристаллом, клеенки для ванны — с колечками! — часов «кварц», галогенных фар, вязаных галстуков, журналов «Vogue». «Playboy», «Down beat», замши, замши и чего-нибудь из жратвы».

Все это, чем набиты сейчас московские магазины, щедрый плеейбой Антон Лучников, отпрыск белогвардейцев, миллионер и одновременно продвинутый левак, сгубивший дивный Остров Крым ради воплощения в жизнь безумной Идеи Общей Судьбы, возил в столицу метрополии своим антисоветски настроенным друзьям.

Родившийся в семье партийных работников, в благодарность за свою любовь к коммунизму и сильное участие в его строительстве посаженных в конце тридцатых на людоедские сроки, хлебнувший и приюта для детей «врагов народа», и нищего детства в семье добрых бедных родственников, Аксенов с молодых ногтей ненавидел советскую власть. Но первоначально мимикрировал, дрейфовал под любимыми лозунгами «шестидесятников» — «возвращение к ленинским нормам», «социализм с человеческим лицом». Выработав тем самым репутацию хоть и странного писателя, но — своего, своего... «Что вы, товарищи, партия не должна отталкивать от себя талантливую молодежь, с ней просто нужно РАБОТАТЬ», — утверждали прогрессивные «цеки-

сты», многие из которых стали в дальнейшем «прорабами перестройки», а сейчас постепенно сходят со сцены, уступая свое место новым поколениям власть имущих.

Вот с Аксеновым и «работали» как с другими из великолепной пятерки самых видных «шестидесятников» (Аксенов, Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава). Хрущев крыл его с кремлевской трибуны, якобы читатели публиковали гневные письма о его сочинениях, веселился на его счет юмористический журнал коммунистов «Крокодил». Ну и одновременно кое-чего разрешали: зарабатывать деньги литературным трудом, общаться с сомнительными личностями из «андеграунда» и русской эмиграции. Позволили даже свозить матушку Евгению Семеновну, автора страшной мемуарной книги о ГУЛАГе «Крутой маршрут», в Париж перед самой ее ранней смертью в 1977 году. Именно ее памяти он и посвятит свой ГЛАВНЫЙ, на мой взгляд, роман — «Остров Крым», начатый в год смерти матери и законченный двумя годами позже. Когда относительно жизни в СССР ему стало окончательно все ясно «во все стороны света» и он был отправлен «партией и правительством» в вынужденную эмиграцию, которой обернулось данное ему властями милостивое разрешение читать лекции в западных университетах с последовавшим вскоре лишением советского гражданства.

Ну а я сам, на глазах которого происходило сочинение «Острова Крыма», должен сейчас признаться. Каюсь, не сразу понял я, что именно этот роман, написанный тридцать с лишним лет назад, является главной книгой Василия Аксенова. Для того чтобы осознать это, потребовались годы и чтобы ветер неоднократно возвращался «на кру-

ги своя». «Остров Крым»! Сделано в России, сделано о России, сделано для России!

Тут уместно немного порассуждать на тему, что такое главная книга писателя.

«Записки из подполья» или «Братья Карамазовы»? «Война и мир» или «Крейцерова соната»? «Улисс», «Дублинцы» или «Поминки по Финнегану»? «Малая земля»?

Лично я уверен, что у любого писателя есть несколько главных книг, и Аксенов здесь не является каким-либо исключением.

Его вполне комсомольские «Коллеги» и «Звездный билет» стали откровением для целого поколения, полагавшего, что разговаривать и думать можно либо только матом, либо языком партийных постановлений, как это делали старые советские верно-подданные крысы с партийными билетами или без оных. С которыми они, продукты «оттепели», вступили пока что лишь в эстетический конфликт.

«Затоваренная бочкотара» показала, что Россия, даже советская, была, есть и всегда будет страной высокой, хотя и потаенной культуры. Сюрреалистические приключения Володи Телескопова и других разномастных граждан СССР на просторах собственной чудесной родины вполне вписываются в литературный мир классиков модернизма и заставляют литературоведов заново решать вопрос про курицу и яйцо: кто же все-таки был первым абсурдистом в XX веке — русско-советский Даниил Хармс или румыно-французский Эжен Ионеско. Первым и в том, и в другом смысле слова.

«Ожог», свой текст, впервые написанный им «в стол», сочиненный безо всяких соблюдения правил игры, принятых тогдашней «официальной литературой» с ее дозированной крамолы и непременно

«ну, вы же сами все понимаете», Аксенов долгое время и сам считал своей главной книгой.

В этом нет ничего удивительного — для каждого писателя самым дорогим всегда является его новорожденное литературное детище. Оттого, я думаю, он в дальнейшем такое значение придавал «Кесареву свечению», «Новому сладостному стилю» и даже предпоследнему своему роману «Редкие земли», который, на мой взгляд, значительно уступает его незавершенному шедевру «Дети ленд-лиза», где он возвращается в детство, а детство возвращается к нему.

Так вот, другого такого романа, как «Остров Крым», у него нет. Думаю, что другого такого романа о России вообще нет в русской литературе.

Главная книга Евгения Замятина «Мы» — всего лишь схематическая основа для гораздо более полнокровного и художественно убедительного «1984» Джорджа Оруэлла, библии «холодной войны», схема для создания массы других «антиутопических» сочинений.

«Чевенгур» Андрея Платонова — это ведь вовсе не сарказм, пародия или фантастика, а, как ни странно, реализм, почти натурализм, судя по мемуарам о Гражданской войне и коллективизации, которые с трудом, но все же становятся доступными в наши дни.

Аксенов вообще человек был хоть и мягкий, но суровый, о чем желающие могут прочитать в многочисленных мемуарах о нем. Я же от себя добавлю, что он никогда — то ли из суеверия, то ли ради качественного дела — не делился, по крайней мере со мной, своими так называемыми творческими планами.

Вернее, не со мной, а с нами. Той весной 1979 года он, я и Виктор Ерофеев были очень близки. И после изнурительной зимы 1978–1979-го покатались втроем на зеленой аксеновской «Волге» в Крым, проехав его практически весь — от Евпатории до Феодосии. Непосредственно после «дела «МетрОполя», проработок, угроз и публичных воплей советских писателей о посягательстве «группы отщепенцев» (в которую, к примеру, входили Ахмадулина, Битов, Вознесенский, Высоцкий, Горенштейн, Искандер, Кублановский, Сапгир, Рейн) на все самое святое, что у этих писателей оставалось в их убогой жизни. А именно на «коммунистическую нравственность», которая имела к общечеловеческим ценностям примерно такое же отношение, как нынешняя «суверенная демократия» к демократии подлинной.

Опускаю подробности этого путешествия, не о них сейчас речь. Не о том, как чуть не гробанулись мы под Харьковом из-за отказа тормозов, которые проверял в Москве пьяный вдребадан механик, сопровождавший этот процесс выражением, ставшим потом в нашей компании крылатым: «Уедете, приедете, спасибо скажете». И не о том, как в Коктебеле мы встретили Фазиля Искандера, который в тут же образовавшемся скромном застолье сказал нам, что получил из Москвы анонимную телеграмму о том, будто нас с Ерофеевым, «двух сукиных сыновей», уже исключили из Союза писателей. И даже не о том, что дописывал Аксенов «Остров Крым» летом и осенью того же года все в том же Коктебеле, сняв комнату у официантки Дома творчества и работая под неустанным наблюдением КГБ. О чем мне много лет спустя поведал сосед официантки, коктейбельский мужик, которо-

го на время творческого процесса завершения этого «антисоветского пасквиля» гэбэшники выперли с его же собственной жилплощади, установив там подслушивающую, подглядывающую и поднюхивающую аппаратуру.

Говорю же, что Василий Павлович планами никогда не делился, отчего нам с товарищем и было непонятно — чего ему собственно надо, с какого это перепуту мы заезжаем в самые заброшенные крымские уголки, зачем наш «мэн» сидит, часами глядя в Черное море или на Карадаг, в то время как мы предаемся жизни путем пьянства, упражнения в инвективах по адресу советской власти и ее Союза писателей, знакомства с серьезными, умными крымскими девушками, а то и простого бросания камушков в упомянутое море, что имеет название «печь блинчики».

Позже я кое-что из того, что мы видели, о чем говорили и думали, обнаружил на страницах книги «Остров Крым», которая уже тогда, скорее всего, была написана Аксеновым — по крайней мере, в голове — и требовала лишь небольших уточнений, ярких деталей и полноценных реплик перед ее окончательным блестящим завершением.

Да и вообще все в мире связано. И — **«...завтрак с шампанским». Скрамнейшее угощение. Горячие калачи с черной икрой...**» в романе «Остров Крым» — это ведь из нашей провалившейся попытки устроить в январе 1979 года вернисаж альманаха «Метрополь» с приглашением московской богемы — художников, писателей, актеров, режиссеров, журналистов, дипломатов, красоток-манекенщиц. Что и было сочтено «антисоветской провокацией», для пресечения которой собрался целый